

Старейшина Цзян и Цзян Мэнлинь встречались несколько раз благодаря старейшине Бай. Как бы ни был зрел Цзян Мэнлинь, он не мог сравниться с хитростью и опытом старейшины Цзяна. Поэтому Цзян Мэнлинь даже не надеялся его обмануть. Причина его активности в этот раз была понятна им обоим без слов.

То, что должен был сделать сейчас Цзян Мэнлинь — это крепко держаться за государство и Министерство национальной обороны. В вопросе о пожертвованиях играла роль его гражданская совесть, но большая причина заключалась в будущем Хуаньцю!

Он не мог вечно оставаться в неизвестности в Имперской столице, верно? После выхода акций на биржу ему понадобится, чтобы центр оказал ему поддержку.

Вопрос со средствами помощи пострадавшим на самом деле было неудобно поднимать кому бы то ни было. Среди множества предприятий были желающие жертвовать и нежелающие. Тот, кто выйдет первым, станет мишенью, и сумма его пожертвования неизбежно станет ориентиром для тех, кто будет жертвовать позже.

Если пожертвовать слишком много — настроишь против себя людей; если слишком мало — это будет слишком позорно. Цзян Мэнлинь сразу выделил 50 000 000. Это было многовато, но к счастью, это было пожертвовано не от лица Хуаньцю лично, а объединено с другими объектами, всего набралось около десяти.

Старейшина Цзян раньше тоже думал о методе сбора пожертвований от населения, но официальное выступление в качестве посредника всегда не совсем оправдано. Теперь, когда вышел Цзян Мэнлинь, это равносильно тому, что он решил для него большую проблему.

Услуга за услугу: Цзян Мэнлинь решил для него это дело, и на следующий день в новостях вышел специальный репортаж о пожертвованиях Хуаньцю. По всей стране название предприятия Хуаньцю, можно сказать, укоренилось.

В одночасье, добавив к этому текущий бизнес Хуаньцю с бомбоубежищами, Хуаньцю внутри страны стало синонимом совестливого предпринимателя. С Имперской столицей в качестве инициатора, местные пожертвования также стали более активными; Моду, Яоду и провинция Z выделили в общей сложности несколько миллиардов.

С тех пор у Цзян Мэнлиня было бесконечное количество светских встреч, он стал еще более занятым. Опираясь на распределение экономики в будущем поколении, он лично выходил на связь для сотрудничества с компаниями, имеющими потенциал; для неизвестных или близких к падению предприятий он находил нескольких человек, чтобы заменить себя; иногда, когда было слишком занято, он просил Бао Сюна выступить от своего лица. У Бао Сюна первоклассные дипломатические способности, и очень скоро он прославил имя Хуаньцю в больших кругах Имперской столицы. Цзян Мэнлинь видел, что тот получает от этого удовольствие, а сам как раз не хотел слишком сильно уставать, поэтому просто передал все дела ему, сам же получил свободу и, получив уведомление о поступлении, стал хорошим студентом и пошел учиться.

Когда Цзян Мэнлинь вернулся домой, в комнате горел теплый желтый свет, а Сун Цинсюй при свете возился с микроволновкой в столовой, которую Цзян Мэнлинь недавно купил домой.

Он пострадал. Когда старейшина Цзян утешал пострадавших жителей, внезапно встретился с неожиданным паводком. Место, где он находился, было окружено водной стихией, многие люди получили тяжелые травмы, и старейшина Цзян также чуть не попал в опасность. Поскольку медицинская команда не могла пробраться, многие офицеры в армии начали

использовать свои медицинские знания, полученные в армии, для спасения людей, и Сун Цинсюй выделился среди них.

Он всегда носил с собой привычные инструменты, не использовал никаких лекарств и просто с помощью нескольких серебряных игл вылечил почти половину пострадавших, только в процессе спасения был ударен твердым предметом, принесенным потоком воды, и сломал правую ногу. После того как старейшина Цзян выбрался из ловушки, он лично заявил в армии, чтобы Сун Цинсюй сначала вернулся домой для лечения.

Это можно считать удачей в несчастье. В армии всегда есть шанс быстро взлететь, только у кого-то удача встретить благодетеля, а у кого-то характер не позволяет справиться с делами. На этот раз выступ Сун Цинсюй попал прямо в глаза большому начальнику. В этом инциденте со спасением от наводнения старейшина Цзян не мог отказаться от рекламы для себя, и Сун Цинсюй действительно получил большую выгоду. Сломав ногу, он так или иначе будет отмечен военной заслугой, и когда вернется в армию, повышение будет намного легче, чем раньше.

Это была блестящая политическая заслуга!

Раньше, как бы семья Бай ни заботилась о Сун Цинсюе, они могли только гарантировать, что его заслуги во время службы не будут отобраны начальством, но как налаживать путь назад, зависело от его собственных способностей. Цзян Мэнлинь действительно не думал, что новобранец, который прослужил меньше полугода, сразу прославится.

Я действительно его недооценил.

Когда Сун Цинсюй на этот раз вернулся домой, его характер особо не изменился, он по-прежнему был немногословен. Увидев, что Цзян Мэнлинь вернулся, он опираясь на костыли собрался идти на кухню наливать воду.

Отопление в комнате заставило Цзян Мэнлиня комфортно поежиться. Сняв пальто и надев шерстяной жилет, Цзян Мэнлинь сменил обувь и вошел в комнату; в пластиковом ланч-боксе на столе стояла горячая еда с паром.

Цзян Мэнлинь недовольно сморщил нос:

— Я говорю, когда ты наконец сам сможешь приготовить еду? Снаружи купленное — нечистое, да и невкусное.

В будущем еще будет масло из канализации и тому подобное, что еще менее полезно для здоровья.

Сун Цинсюй медленно вышел с горячей водой:

— Мне сейчас неудобно, когда нога заживет, тогда пойду учиться.

Он в отношении Цзян Мэнлиня был во всем послушен. Что касается принципа «благородный муж держится подальше от кухни», то с того дня, как семью Сун казнили, он потерял право на капризы.

В данный момент он был бесконечно благодарен Цзян Мэнлиню за то, что тот дал ему пространство, где можно развернуться. С тех пор как произошла та огромная перемена, он впервые почувствовал, что не является таким бесполезным отбросом. По крайней мере, в армейской жизни он мог снова вернуть амбиции подниматься вверх, а не думать, как в начале,

стать обычным ничем не примечательным слугой.

Цзян Мэнлинь скользнул взглядом на его ногу и замолчал.

Вскоре пришла военная медаль Сун Цинсюя.

Она была вручена лично командиром церемониального полка Военного совета Имперской столицы на церемонии награждения. Вместе с несколькими офицерами небольшого звания, к несчастью погибшими при борьбе с наводнением, всего было пять штук — две личные заслуги первой степени, одна коллективная заслуга второй степени и две личные заслуги третьей степени. К удивлению Цзян Мэнлиня, Сун Цинсюй получил заслугу первой степени.

То, что получил Сун Цинсюй, была личная заслуга первой степени! А другой получатель заслуги первой степени был капитаном, к несчастью погибшим при борьбе с наводнением!

Это было лишь небольшим поощрительным мероприятием после бедствия. Судя по смыслу сказанного Сун Цинсюем по возвращении, на последующей церемонии военного парада они будут снова включены в церемонию награждения после бедствия и снова проведут грандиозную церемонию вручения медалей.

Цзян Мэнлинь смотрел на маленькую красную книжечку в красной обложке, которую Сун Цинсюй принес домой, и смотрел на его правую ногу в гипсе, и был ошарашен.

Эта военная медаль была специально помещена Цзян Мэнлинем в стеклянный шкаф для демонстрации; яркая красная пятиконечная звезда в сочетании с золотым основанием была ослепительной. Это был лишь первый шаг в продвижении Сун Цинсюя, и этот первый шаг был сделан так блестяще! Цзян Мэнлинь имел уверенность верить в него, что однажды он станет его самой большой силой поддержки.

Сун Цинсюй на самом деле чувствовал себя немного неловко. У него было очень тонкое лицо, плюс он получил традиционное воспитание; считалось, что благородный муж должен быть скромным и осторожным, нельзя так открыто выставлять свои почести напоказ, нужно прятать их и в любое время показывать свою недостаточность — это правильно. Но Цзян Мэнлинь делал это лично, и он действительно не смел сопротивляться, мог только краснея чувствовать свою скрытую гордость, а в то же время демонстрировать презрительный вид и фыркать на эту медаль.

После выздоровления уже приближался Праздник весны, но у Сун Цинсюя не было новогоднего отпуска. Он уже вежливо отказался от аранжировки Военного совета использовать связи для перевода его на гражданскую службу, естественно, нужно было вернуться в армию. Сейчас он только-только начал проявлять себя, не хотел делать ничего привлекающего внимание, чтобы дать людям повод, время отпуска уже почти прошло, нужно было возвращаться для отчета, естественно, нельзя медлить.

В двадцать пятый день двенадцатого лунного месяца Цзян Мэнлинь, рискуя пронизывающим холодным ветром, проводил его на поезд, идущий в Шаньдун; зеленый паровоз издал резкий визг, Сун Цинсюй привез с собой целых пять больших пакетов багажа. Цзян Мэнлинь запахнул одежду и, глядя на мужчину с суровым лицом в окне вагона, с легкой улыбкой помахал рукой.

Приближая первый месяц лунного календаря, дела в компании в основном пришли к концу, сотрудники также получили разрешение на отпуск на несколько дней на Новый год. Цзян Мэнлинь просидел дома несколько дней, разбирая документы, от чего голова пошла кругом, и вдруг вспомнил о нескольких стариках в далекой провинции Z. По наитию он решил вернуться

туда на время.

Двадцать шестого числа двенадцатого лунного месяца Цзян Мэнлинь сел на самолет из Имперской столицы в город Н.

Город Н перед Праздником весны был пасмурным и дождливым, сквозь пробивалась совершенно иная, чем на севере, сырость и холод. Цзян Мэнлинь с силой запахнул пальто, выйдя из аэропорта, уже кто-то ждал с табличкой для встречи.

Цзян Мэнлинь увидел свое имя, немного опешил, подошел и похлопал худощавого мужчину по плечу:

— Кто тебя послал встретить меня?

<http://bllate.org/book/16657/1526659>